

Коч С.В.

*доцент кафедри історії і мирової політики
Інститута соціальних наук
Одеського національного університету імені І.І.Мечникова*

Узун Ю.В.

*доцент кафедри історії і мирової політики
Інститута соціальних наук
Одеського національного університету імені І.І.Мечникова*

ДИАСПОРЫ ЮГА УКРАИНЫ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

Аннотация. Статья посвящена анализу развития диаспорных групп в условиях устойчивого культурно-политического пограничья. Рассмотрены особенности формирования социокультурного пространства на фоне геополитических трансформаций региона. На примере региональных диаспор Юга Украины показано воздействие геополитической ситуации на условия социально-культурной и экономической адаптации группы в регионе. Диаспора представлена как самостоятельный субъект национальных отношений, который способен влиять на выработку целевых направлений государственной национальной политики, региональных стратегий национальных отношений, а также и техник и технологий ситуативного этнополитического менеджмента.

Ключевые слова: этнос, диаспора, групповая идентичность, этносоциальная адаптация, региональная геополитика, политический менеджмент.

Исследование процесса социально-экономической и культурно-политической адаптации диаспорных групп пограничья предполагает анализ расстановки сил между субъектами геополитических отношений в регионе. Актуальность подобного исследования возрастает в связи с происходящей в мире борьбе «за ресурсы», «за продвижение демократии» или «либерализацию обществ слаборазвитых стран», которая ведётся, на «культурном фронте».

Цель статьи — показать условия при которых политтехнология получает возможность оперировать понятием «стратегический этнос», демонстрируя, что подобный тип групп является перспективным «ресурсом», с точки зрения политического менеджмента. На разных уровнях политики под этим понятием выступают различные таксономические уровни этноса, начиная от

субэтнических групп и заканчивая метаэтнсами. Социальные науки признали, что «в обществе самыми организованными структурами являются этносы», которые в силу своей способности к возобновлению и адаптации, являются наиболее стабильными субъектами социально-политических процессов [1]. Это группы, которые обычно формируется естественноисторическим путем и каждое поколение воспринимает свой народ как социальную реальность. Особенно ярко такие функции этнических коллективов проявляются в условиях социально-культурных и экономико-политических изменений, когда этническая группа активизирует дееспособность социальных функций.

В геополитике «этнос» рассматривается как культурологическая составляющая геопространства. Существует специальная категория «номос пространства» — это принцип взаимосвязи пространства и политической культуры; это органическое сочетание культурных особенностей человеческого коллектива и окружающей среды; это синтез объективных и субъективных факторов, проявляющихся в создании политической и юридической систем. К. Шмитт доказывал существование номосов Суши и номосов Моря, их естественное чередование в истории, круговорот культурных ценностей (закон фундаментального дуализма геосистемы) [2].

Теория номосов сочетается с классическим делением суперэтнических систем — аналогов государств-империй (с центростремительным движением) на теллуократические (сухопутные) и талассократические (морские). Сухопутный номос — это элемент геополитической системы, охватывающий этнокультурные группы, которым свойственен коллективизм, иерархизм, консерватизм в системе приложения труда, жесткий кодекс этических норм, принципов, традиционализм,

¹ Работа выполнена в рамках н/темы "Словенія-Україна: порівняльні аспекти прибережних регіонів (18-20 століття)" (№ 0111V005549)

писаний (фиксированный закон), сакрализация пространства и его границ. Морской номос — противоположный тип геокультуры: она динамична, построена на принципах индивидуализма, предпринимательства. Политическая культура в такой геосистеме построена на героизации личности, которая способна к нестандартным решениям для выживания в экстремальных условиях. Нестандартные решения — это «относительность» существующих в геосистеме этических норм, нравственных принципов, что легко читается в отсутствии писаных законов, Конституций и в системе прецедентного права.

В геополитических конструкциях и стратегиях этническое пространство — это культурный слой географического пространства. Совокупность этих пространств, выраженная в политике образует геопространство. В теллурократических системах территория выступает основным признаком идентификации народа. Коллективное переживание географии, рождающее образы пространства и идентификационные стратегии, обосновывающее пространственную концепцию системы — выполняет мобилизационную функцию, качества которой влияют на геостратегический потенциал государства.

Наиболее сложной формой этнического коллектива в плане организации целостности геопространства и формирования идентификационных стратегий в его пределах, и в то же время наиболее активными и мобильными являются диаспоры. Эта форма этнических коллективов, выполняет не только функцию сохранения и трансляции культуры, но и адаптации ее к географическому и социальному пространству, приспособления в новой геосистеме и даже государственного прозелитизма. Прозелитизм, характеризует растущую геосистему, ему соответствует центростремительность процессов этнической консолидации.

Суперэтническая система — потенциальная империя, она осуществляет административно-территориальную политику: «включение» присоединенных земель, установление отношений с федератами; миграционную политику («политика депортации, зачисток, колонизации, переселения») с целью качественного культурно-географического освоения.

В пространствах береговой зоны Евразии — отражена наибольшая конфликтность образов жизни фундаментально разных этнических систем. Конфликтность всегда усилена стремлением геополитических игроков выиграть право «присутствия» в регионе (культурное, экономическое, демографическое, военное, информационное) и обосновать право доминирования (суперактивность развитых держав мира по поводу установления своего влияния) в регионах этого мирового пояса.

Южный регион Украины (включающий Бессарабию, Буджак, Крым) геополитически сформирован как часть мировой «береговой зоны» и является «нормальным» в геополитическом смысле Лимитрофом. Его геополитическая биполярность «назначена» географией: здесь самые обособленные в Мировом океане и глубоко вдающиеся в сушу Черное и Азовское моря встречаются с Великой Евразийской степью, здесь синтезированы Суша и Море, Лес и Степь, оседлость и кочевничество, коллективизм и индивидуализм. А подобные «стыки» рассматриваются как зоны наибольшей геостратегической активности, конфликтности.

Сегодня Бессарабия разделена между Республикой Молдова и Украиной. Это геополитически активная зона междуречья низовьев Днестра, Прута и Дуная. Регион южной Бессарабии формировался длительно, и на протяжении всего исторического времени здесь сохранялась характерная черта: неустойчивость политического влияния, отсутствие единой культурной основы. Здесь проходили рубежи евразийских империй и государств: Древней Эллады, Римской империи, Византии, Болгарского царства, Киевской Руси, Золотой Орды, Генуи, Молдавского княжества, Османской и Российской/Советской империи и Румынии. Ни один из ныне живущих здесь народов не может считаться аборигеном этой территории и в то же время, каждый из живущих здесь этносов в структуре своей этнической идентичности имеет региональную составляющую: «бессарабцы», «бессарабские болгары», «буджацкие гагаузы», «жители подунавья» и др. Этот историко-этнографический регион складывалась как устойчивая «контактная зона», «мембрана», которая регулирует обмен возникающий между политическими центрами (экономический, политический, культурный, демографический и др.), снижая при этом влияние «стрессового фактора» на политическое «ядро».

В лимологии, такие территории называются — фронтами. Пульсирующее пространство-граница, пронизываемое маршрутами движений пограничных племен, народов которые ведут к кратковременному расширению и моментальному внутреннему переструктурированию. Каркасом границы выступают направления кочевий, миграций, переселений и сопутствующие им крупные пограничные укрепления и система наблюдательных пунктов, крепостей. Локализуемые здесь этнокультурные анклавов ощущают себя в качестве «первопоселенцев», которые считают данную территорию «своей» или «приращенной к своей земле».

Территория Бессарабии исторически находилась под влиянием великих империй и их культур.

Однако благодаря отдалённости от политических центров крупных государств, она была фактически автономной. Она стала убежищем для беглецов от крепостничества и абсолютизма как с запада (Дунайские княжества), так и с востока и севера (Россия, Польша).

Близкую по значению функцию «мембраны» эта территория выполняет и сегодня. После распада СССР обозначился Евразийский геополитический раскол — раскол теллуократического единства. На геополитической оси запад — восток восстановились «классические лимитрофы», отделившие «евразийский остров» от примыкающих периферий. Последние в этом процессе пытаются воспользоваться шансом создания геополитической субъектности, путём формирования центростремительных потоков и идеологий их обеспечивающих. Растущие геополитические претензии поддерживаются популярной концепцией рубежной коммуникативности, когда в природной социокультурной / цивилизационной пограничности какого-либо пространства пытаются выявить и измерить «скрытую энергетику «пограничных состояний» [3]. Пограничья не только символичны в истории геополитического развития суперэтнических общностей, но и реально непредсказуемы. Скрываемая периферийностью энергетика этнорелигиозного, социокультурного, геоэкономического состояния региона находит выражение в неожиданных для административного центра формах.

После распада СССР регион оказался «расслабленным», «инертным», «аполитичным», что обращает его в северную периферию средиземноморского пространства, где хозяйство оказывается неконкурентоспособным, а исторические функции транзитной торговли утраченными. К. Хаусхоффер, еще в 20-е годы XX столетия обращал внимание на то, что всё пространство Балто — Черноморской дуги — «Промежуточной Европы» удивительно инертно, и главное — инертно в политическом смысле. Именно это отличает «Промежуточную Европу» от «Срединной Европы», провоцируя игру геополитических субъектов [4].

После распада СССР, актуализируется вопрос о статусе Черноморских проливов; нерешенные проблемы Приднестровской республики, крымских татар, возникает украинско-румынский конфликт вокруг черноморского шельфа и о-ва Змеиный; украинско-российский спор о статусе Азовского моря; вскрылась опасность миграционной политики как геополитической практики (предоставление статуса «заграничного поляка, венгра, словака, двойного румынского и болгарского гражданства...»); активизировались геополитические проекты по «вовлечению» Лимитрофов в круг влияния

«претендующих» на геополитический статус «игрока», субъектов.

Возможностей влияния стало больше — в их числе не только этнокультурные, информационные, миграционные, но и геоэкономические методы. Украинское Придунавье является депрессивным районом. Это регион экологического бедствия: по количеству питьевой воды на душу населения, регион занимает последнее место в Европе и среди бывших республик СССР. В результате трансформирования водохозяйственного комплекса Дунай — Днепр в СССР, здесь нанесен значительный ущерб биологическим, бальнеологическим и другим ресурсам. Изменился режим функционирования экосистемы река-лиман-море. Регион опасно отделен от остальной территории страны водной преградой Днестровского лимана. Транспортные коммуникации через устье Днестровского лимана имеют ограниченную пропускную способность. Основные железнодорожная и автомобильная магистрали Одесса — Рени проходят через территорию соседнего государства Молдовы. Обострились транспортно-энергетические проблемы: электроэнергию регион получает через подстанцию в Гагаузии (Молдова) с крупной тепловой станции, расположенной в непризнанной Приднестровской республике. Газоснабжение осуществляется от проходящего через Приднестровье магистрального газопровода Россия — Болгария.

Трудности делимитации и демаркации украинско-молдавской границы актуализирует территориальные претензии. В числе молдавских идеологов евроинтеграции (С. Макану, В. Реницу, Ю. Рошка) популярна идея унионизма — объединения с Румынией. Современные молдавские сторонники унионизма в отличии от сторонников румыноунионизма в Молдавии в 90-х годов (период Народного Фронта) готовы жертвовать Левобережьем, отдавая решение проблемы Румынии её протекционерам — в лице ЕС. Движение за объединение Молдавии и Румынии порождает неприятные для Украины претензии, поскольку речь идет не просто о присоединении Молдовы, а о непризнании границ с Республикой Молдова, что означает de jure непризнание Парижского мира, Парижского Договора 1947 г., Хельсинкского Заключительного акта о безопасности в Европе 1975 г., решений Ялтинской и Потсдамских конференций 1945 г. Интересно, что поддержание унионистских настроений в Молдове — стало предвыборной платформой для претендентов на депутатское кресло подписавших с организацией «Акциуня-2012» унионистский «Пакт для Бессарабии», который предусматривает скорейшее присоединение Бессарабии к Румынии.

Идеи объединения «румынских провинций» (Покутье, Бессарабия, Буковина и Транснистрия

— земли между Днестром и Южным Бугом) в румынское государство», которые разрабатывали Н. Йорга, К. Джуреску, И. Нистор популяризованы среди румынских политиков и населения. Так, в июле 2006 г. Президент Румынии Траян Басеску осудил пакт Молотова-Риббентропа, по которому от Румынии были «оторваны» Бессарабия и Северная Буковина, отметив, что Румыния — единственное государство и народ, которые остались разделенными после объединения Германии. Тогда же, он пообещал, что объединение будет восстановлено в рамках ЕС! Румыния обостряет вопросы о защите прав молдаван, проживающих в Бессарабии, которых в Румынии считают этническими румынами, ссылаясь на экономическую депрессию региона Украинского Придунавья, Южной Бессарабии [5]. В интервью румынскому изданию *Romania libera* Бэсеску заявил, что Бессарабия вернется в Румынию, став членом ЕС, а процесс объединения, по его мнению, мало зависит от воли политиков, но «только они будут знать, как использовать народную волю на обоих берегах Прута, если таковая будет существовать» [6]. На пользу Румынии играет факт изменения этнической структуры территорий, которые «де-факто» объявлены спорными. Как свидетельствует перепись 2002 г., эмиграционные процессы значительно уменьшили число представителей еврейской, польской, белорусской, русской, украинской общин.

Популярность румынской идентичности в регионе связана не с успехами идеи единой румынской нации, а скорее с членством Румынии в ЕС. Начиная с 2007 г. Румыния начала выдачу румынского гражданства гражданам Молдовы и Украины. Предоставление «помощи» мигрантам из Украины и Молдавии не только решает проблемы оттока рабочей силы из самой Румынии, но и играет на руку геополитическим амбициям. Массовое предоставление румынского гражданства и миграционная политика Румынии подрывает суверенитет соседних государств внедрением необъявленной *оптации*: изменения территориальной принадлежности методами миграционной политики (акт индивидуального выбора гражданства — оптация становится обоснованием «права на самоопределение населения территории касательно национальной принадлежности»).

В тоже время, украинская община в Румынии остаётся наибольшей среди всех украинских общин стран Европы. Большинство украинцев Румынии является автохтонным населением и компактно проживает в Южной Буковине (повиты Сучава и Ботошань), на Мараморощине, в Восточном Банате (повиты Тимиш и Караш-Северин), в Южной Добрудже — повит Тульча). По данным Союза украинцев Румынии в стране проживает

свыше 200 тыс. Украинцев, но по официальным данным переписи населения в 2002 г., в Румынии проживают 61,4 тыс. украинцев, которые по численности занимают 4-е место среди других меньшинств. Тем не менее, между Румынией и Украиной не существует Соглашения о малом приграничном движении. Действует Соглашение об условиях взаимных поездок граждан от 2003 г. (с изменениями 2006 г.). Поездки граждан, которые проживают в 14 пограничных областях Украины и 6 повятах Румынии, осуществляются согласно «Договору об упрощенном порядке пересечения общей границы гражданами, которые проживают в пограничных районах и повятах», подписанном в марте 1996 г.

Этнополитика Румынии не срабатывала бы, если бы не геоэкономика. После развала СССР, Украина утратила функции главного коммуникационного устья на Нижнем Дунае, уступив первое место Румынии. Румыния завершила проект по созданию крупнейшего и современного коммуникационного узла в Юго-Восточной Европе (завершено строительство канала Рейн — Майн — Дунай, введены в эксплуатацию румынские каналы Чернавода — Констанца-Юг, пропускной способностью до 100 млн. т в год, и Меджиция — Новодари). Констанца стала основными дунайскими воротами Центрально-Восточной Европы. За последние 20 лет в инфраструктуру торгового судоходства вложено свыше 3 млрд. долларов. Румыния проводит политику приватизации крупных судоходных компаний.

На украинском участке нижнего Дуная условия судоходства ухудшились (прекращения дноуглубительных работ в районе судоходного канала Прорва и высокие ставки канальных сборов при прохождении по румынскому Сулинскому устью (более 5 тыс. долл. за сухогруз)).

Начиная с 1995 г. обострился украинско-румынский конфликт вокруг острова Змеиный (площадь 1,6 кв. км и 12-мильную экономическую зону, ссылаясь на Парижский мирный договор 1947 г. между государствами-победителями во Второй мировой войне и союзной Германии Румынией). На основании советско-румынских договоров о мире и дружбе 1948 и 1961 гг. остров принадлежал СССР. В 1997 г. в Киеве парафирован украинско-румынский политический договор. Украина обещала не размещать на Змеином наступательных вооружений, но экономические проблемы шельфа были вынесены за рамки договора. Этот Договор рассматривался как успех украинской дипломатии. С румынской стороны двухсторонне соглашение явилось временной уступкой в связи с планами вхождения в НАТО. Уже, в 2004 г. Румыния обратилась в Международный

суд ООН с вопросом о разграничении континентального шельфа в районе острова. Гаагский суд 3 февраля 2009 г. принял решение по морской границе между странами: признал Змеиный островом, на чем настаивал Киев. При этом, он не признал претензии Украины, что расположение острова влияет на морскую границу между странами, и, по словам румынских представителей, они в своих территориальных претензиях остались «на 80 % удовлетворены». В результате Змеиный остался в статусе украинской территории, а суд сам провел морскую границу между двумя государствами, с чем согласились и Киев, и Бухарест [7]. Конфликт вокруг острова Змеиный занимает особое место, так как затрагивает основы мирового порядка, установившегося после Второй мировой войны. Можно утверждать, что конфликт вокруг острова имеет, в первую очередь, не экономический аспект раздела шельфа, а носит геополитический характер. В Румынии рассматривают возвращение Змеинового как возрождение геополитической роли Румынии в Юго-Восточной Европе. Если международный суд не учтет решение Парижского мирного договора, это создаст прецедент для Финляндии и той же Румынии требовать возврата, соответственно, части Карельского перешейка и Северной Буковины. На протяжении XX в. Румыния постоянно испытывала угрозу со стороны Российской / Советской империи в связи с Восточным вопросом и проблемой Черноморских проливов, в контексте которой историческая область Добруджа рассматривалась как стратегический коридор России к Стамбулу, с возможной её передачей Болгарии.

Сдерживание Румынии со стороны СССР сохранялась и в послевоенные годы, особенно до начала 50-х годов. На Стамбульский театр военных действий были ориентированы элитные воздушно-десантные части советской армии, расположенные в украинском Причерноморье. Учитывая эти обстоятельства и относительно «холодные» отношения Румынии с СССР еще при Чаушеску был осуществлен крупномасштабный проект создания нового коммуникационного коридора к Черному морю, ориентированный на страны Западной и Центральной Европы, который стратегически рассматривался как гарант национальной безопасности и территориальной целостности Добруджи в составе Румынии.

В начале XX в., в Турции зараженной европейским национализмом, была популярна идея создания единого государства турков — Великого Турана, получившая второе дыхание после распада СССР. Турция не забывает о важности «культурного присутствия» в зонах её геополитического интереса (Крым, Причерноморье). Турция является ассоциированным членом ЕС, она уже

осуществила экономическую экспансию в Юго-Восточной Европе.

К Причерноморью приковано внимание западных нефтяных компаний в связи с перспективами освоения богатых углеводородами месторождений Каспия. Развернувшаяся международная «дуэль» вокруг выбора направлений транспортировки нефти становится ключевой в формировании нового геополитического пространства от Балкан до Центральной Азии. «Жизненные интересы» Запада в Черноморье готова защитить самая крупная группировка военно-морских сил Североатлантического блока, сосредоточенная на южно-европейском театре НАТО в Средиземноморье. Турция, являясь членом НАТО, осуществила модернизацию военно-морского флота, ныне доминирующего в Черном море. Через Босфор ежегодно проходит 50 тыс. судов и экспортируется около 35 млн. тонн российской нефти. В 1994 г. Турция в одностороннем порядке предприняла попытку изменить действующий международно-правовой режим судоходства в Черноморских проливах, введя ограничения для танкеров. Кроме экологических причин, просматриваются геополитические и геоэкономические интересы Турции, связанные с возможными направлениями транспортировки каспийской нефти.

Геоэкономическую войну Украина проиграла, после разработки проекта «Набукко» (транспортировка нефти и газа от Каспия в Австрию и Германию, где участвуют компании Австрии, Турции, Болгарии, Румынии, Венгрии и Германии) несмотря на то, что ее газотранспортная система протяженностью 37,6 тыс. км. является второй в Европе.

Крупнейшим геополитическим «игроком» в регионе является Россия. Она на протяжении двухсот лет затратила огромные материальные и финансовые ресурсы и создала инфраструктуру для «Южного окна» в Европу и другие части света. Для Западной Европы Новороссия служила транспортным коридором на Кавказ и Центральную Азию только в экстремальных условиях, например, в период Континентальной блокады Великобритании Францией.

Российская Федерация заинтересована в транзите нефти, газа и других продуктов через территорию Украины, включая торговые порты. Однако негатив последних лет украинско-российских отношений приводит к жесткому прагматизму. Продолжительные проявления недружеских актов со стороны руководства Украины способствовали формированию новой геостратегии Российской Федерации.

В России определены направления транспортных коридоров в обход Украины. Это «Северный поток» (по дну Балтики из России в Германию);

Западно-восточная Транссибирская магистраль (обновление пути для транзитных контейнерных перевозок между Европой и Восточной Азией). Проект получил название «Новая Евроазиатская автотранспортная инициатива» (New Eurasian Land Transport Initiative — NELTI). Достигнуто соглашение о маршруте «Великого шелкового пути» по территории Китая, Казахстана, России и Белоруссии. Три основных маршрута: Северный (Узбекистан/Казахстан — РФ — Беларусь — ЕС), Центральный (Киргизстан — Узбекистан — Туркменистан — Каспийское море — Азербайджан — Грузия — Черное море — ЕС) и Южный (Киргизстан/Казахстан — Узбекистан — Туркменистан — Иран — Турция).

Украина не оказалась «на обочине» NELTI только благодаря компании «Европа-Транс ЛТД». Именно ее представители заявили о поддержке проекта и начале рейсов между Казахстаном и Европой через РФ и Украину (но в реальности поездки не осуществляются).

Впервые Россия отдает приоритет коммуникационному каспийскому коридору. Вместо пути «из варяг в греки», закладываются основы пути «из варяг в Южную Азию» (Индию). Уникальность этого направления заключается в том, что только Россия и Иран имеют возможность создания трансконтинентального коридора без третьих стран.

Россия вынуждена создавать альтернативные коммуникации, включая строительство балтийских и азово-черноморских портов и новых трубопроводов через территорию Белоруссии и других государств. В России формируется новый путь «из варяг в греки»: Санкт-Петербург — Москва — Воронеж — Ростов-на-Дону — Новороссийск. Создание этого пути сужает значимость украинских портов и усиливает тяготение районов Восточной Украины к этой скоростной магистрали. Существует западная альтернатива пути «из варяг в греки» через Гданьск — Варшаву — Львов — Одессу. Однако его формирование требует обоснования возможных грузопотоков, объем которых будет уступать российскому маршруту.

Реализация восточного и западного транспортных маршрутов могут усилить геоэкономическую и геополитическую рубежность Украины. Поэтому необходимо создание главной коммуникационной оси страны в направлении север — юг (морские рубежи).

Говоря о геополитике РФ в Причерноморском регионе следует указать на особое отношение к Приднестровской Молдавской Республике, проявленное в качестве геополитического ответа странам ЕС за их политику в отношении Сербии и Косово. В июне 2006 г. президент и МИД России объявили, что судьба непризнанных государств

должна определяться волей их населения на основе права на самоопределение. 17 сентября 2006 г. на территории Приднестровья был проведен референдум. За независимость Приднестровской Молдавской Республики и её последующее присоединение к Российской Федерации высказались 97 % граждан Приднестровья.

Геополитические интересы Украины в регионе определяются, большинством экспертов, степенью «встраивания» в международные транспортные проекты. С 2003 г. Украина реализовывает «Концепцию транзитного государства». Через территорию Украины проходят 4 из 9 европейских транспортных коридора (3 — Берлин, Киев; 5 — Триест, Будапешт, Киев; 7 — Дунайский; 9 — «из варяг в греки» — Хельсинки, Петербург, Москва, Киев, Кишинев, Бухарест, Димитровград, Афины). Хотя значение для Украины этих коридоров преувеличено. Декларации ЕС о содействии Украине в формировании её статуса в качестве «коммуникационного устья» могут воплотиться только при реальной экономической заинтересованности стран. Пока, украинская власть без критического анализа восприняла предлагаемый Западом основной маршрут 9 европейского транспортного коридора в обход украинского Придунавья и Одессы. С согласия украинской стороны Парламентская Ассамблея причерноморских государств утвердила основной маршрут транспортного коридора вокруг Черного моря так же в обход Придунавья и Одессы.

Это и вызывает особую тревогу: транспортный коридор «№9 — «из варяг в греки» и «черноморский кольцевой» (Стамбул, Бургас, Констанца, Кишинев, Днепропетровск, Донецк, Ростов-на-Дону, Новороссийск, Тбилиси, Анкара, Стамбул) в случае создания, пройдет через наиболее экспортно-ориентированный регион Украины, но вместе с тем обойдет стороной крупнейший Одесский портово-промышленный комплекс и придунайские порты, на которые приходится 70 % грузооборота. Поэтому необходимо в Причерноморье совместить направления 9-ого европейского и черноморского транспортных коридоров с коммуникационной осью столица — главные морские ворота (Одесса) — дунайские порты Измаил и Рени.

Значение украинского маршрута из Центральной Азии и Закавказья через Каспий и Черное море преувеличено. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться в том, что наиболее короткий маршрут Великого «шелкового пути» из Китая в Западную Европу проходит через Россию и Белоруссию. Сегодня не выдерживает критики широко разрекламированный проект международного транспортного коридора (ТРАСЕКА — Европа — Кавказ — Азия), получившую впоследствии

название «Возрождение Великого шелкового пути». Инициатором и финансистом программы является Комиссия ЕС. В брюссельском совещании по координации и развитию транспортного коридора приняли участие представители Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана. Россия на эту встречу не была приглашена.

Проект TRACESA является альтернативой российской транспортной монополии на выход в Европу в случае ухудшения геополитического положения на Кавказе. Очевидно стремление Запада под предлогом защиты международного проекта к усилению военного присутствия на Южном Кавказе. Доминированием геополитики можно объяснить и исключительно низкую рентабельность грузоперевозок по предлагаемым маршрутам. По украинскому варианту в Западной Европе предполагается формирование двух направлений: 1) Копенгаген, Гданьск, Львов, Одесса/Херсон и 2) Антверпен, Рени (дунайский коридор). Зачем, например, для скандинавских стран хождение за «три моря» с паромными переправами на Балтике, Черноморье и Каспии, если имеется российский транспортный коридор, в модернизацию которого Европейский Союз уже вкладывает инвестиции.

В Черноморье преимущества получили страны, сумевшие создать современную инфраструктуру и преференциальный режим для ускорения прохождения грузов. В Юго-Восточной Европе основными морскими воротами стали Констанца (Румыния), Бургас (Болгария) и Копер (Словения).

Украинская паромная переправа Ильичевск — Поти несет убытки, а основные грузопотоки из Закавказья в Европу идут через Новороссийск, Констанцу и Бургас, где создан реальный преференциальный режим.

Украина лишилась возможности формирования Украинско-Черноморского и Азовского районных портово-промышленных комплексов, ориентированных на обеспечение внешнеэкономических связей и освоения природных ресурсов морей. Декларируемое стремление Украины стать морскими воротами Европейского сообщества или Центрально-Восточной Европы сегодня сильно преувеличено.

После распада СССР и утраты былой геополитической роли России в Юго-Восточной Европе Украина последовательно сдает доставшиеся ей в наследие геоэкономические позиции в регионе.

Масштабные геополитические игры для данного региона обычны, что ярко отражено в социально-культурной структуре региона. Социокультурное пространство Юга Бессарабии «многослойно». В новой геоэкономической ситуации оно не может оставаться стабильным. А потому переживает

очередную трансформацию «геокультурной барьерности», превращение в «инертную зону» или в «европейский фильтр».

Отсутствие авторитета центральной власти, геоэкономическая маргинализация всегда ведет к этнизации пространства, к упрощению гражданских общенациональных структур, к размыванию национальной системы разделения труда и упрощение этой системы до региональной — замкнутой. Примеры этому содержит этносоциальная история рассматриваемого региона: Так, например, в период геополитического доминирования Османской империи сложилась «вертикальная» — социально-экономическая этническая структура региона, которая во многом сохранила форму организации и социально-политической презентации до современного периода. В Османский период гражданская и военная администрация, гарнизонные войска состояли из турок, греков и албанцев. Ногайцы составляли основу легкой конницы и в мирное время занимались кочевым скотоводством. Самой пестрой в этническом отношении, даже космополитичной была группа купцов, ростовщиков, ремесленников в городах, ее составляли евреи, армяне, греки, итальянцы и др. Крестьянским трудом: земледелием и скотоводством занималась самая большая группа коренных жителей — молдаван, румын.

Этнические диаспоры Лимитрофов, в том числе и Бессарабии, трансформируются в активных региональных субъектов, демонстрируя самостоятельную внутригосударственную и международную позицию. Их претензия на «субъектность» мотивируется историческими ролями: «бывшие участники имперских войн» (которые на их протяжении выступали на стороне различных воюющих сторон и соответственно умеющие манипулировать интересами политических игроков на этом геополитическом пространстве); «колонисты», которые были объектом протекционистской политики России, Турции и Румынии и ныне Украины, Румынии, Болгарии и Турции. Причем, и сегодня члены этих диаспор стараются адекватно использовать социальные возможности и политических перспективы центров, которые в них заинтересованы; «единоверцы», чье присутствие на новых землях должно было продемонстрировать принадлежность данной земли к «православному миру»; «посредники» в процессе диалога, ведущегося между «старыми» и «новыми» Родинами.

Известно, что этническая идентичность диаспоры выступает во первых, социоохранном механизмом группы, во вторых делает ее привлекательной для различных геополитических ядер, каждое из которых «видит в диаспоре» стратегического партнера в решении своих геополитических

задач (политика Румынии в отношении молдавской диаспоры; политика Болгарии относительно болгарской диаспоры; политика Турции относительно гагаузской культуры в регионе; политика Греции и России относительно соотечественников в регионе).

Этническая идентичность в отличие от национальной идентичности является стойкой и способной к «мультимодальным» этническим соединениям. Но только в психологии этнических диаспор формируется естественная многовекторность самоидентификации.

Подобную многовекторную самоидентификацию демонстрируют этнические диаспоры Бессарабии. Показательными в этом отношении являются балканские диаспоры. Условиями их формирования стали:

- Сходные исторические условия на Балканах, в которых проживало христианское население (болгары, греки, гагаузы, албанцы), что и предопределило идентичность диаспоральных групп, которая изначально базировалась на противопоставлении себя по религиозному критерию и социальному статусу туркам — мусульманам.

- На начальном этапе переселения колонисты с «балкан» выступали в качестве «единоверцев», а значит «своих». В последствии это привело к формированию этнокультурных контактных зон на стыке «близких» народов «гагаузы-болгары-греки», «греки-молдаване-румыны».

- Изначально закладывается неоднозначное отношение к понятию «дома» и «Родины»: место исхода воспринималось как «чужое» враждебное пространство, а новая земля как «неосвоенное» но «свое», в пределах которого нет другого «хозяина».

- Переселение, при всех сложностях процесса, рассматривалось как экономически выгодное предприятие: привлекала стабильность возникающая в составе более социально-устроенной группы колонистов, которая имела выгодный социально-экономический статус, обеспечивающийся в первую очередь этнической принадлежностью. Что сразу сделало процесс поддержания «этничности» — социально оправданным условием, а ассимиляционную стратегию — не желательной. Поддержание культурной дистанции послужило фактором, который позволил организовать систему преодоления дезадаптированности в условиях маргинального пограничья. «Иноземец» — маркер, позволяющий сохранить экономические льготы и привилегии.

- Уже в XX в. в процессе исторического существования группы (социальные притеснения со стороны власти в отношении «неблагонадежных народов») более комфортной и приемлемой могла

становиться другая этническая идентичность или другая, возможно «старая» Родина.

- Психологически отождествление культурных черт двух групп давало социальную стабильность и гарантию сохранения внешней границы группы. Так, бикультурность стала не только результатом совместного приспособления к непостоянным условиям существования диаспор в пределах культурно-политической периферии, но и условием поддержания возможности получения социальных протекций со стороны тех политических игроков, которые будут в дальнейшем заинтересованы в членах диаспоры (демографический потенциал) или в территории, которая может рассматриваться в качестве ресурса.

Таким образом, принадлежность к диаспоре определяется не только «прирожденной этничностью», но и сознательным самоопределением на основе общинной идеологии, использованием защитной функции этнической идентичности в условиях социального кризиса (включая кризис идентичностей) [8]. Кроме того, в условиях межэтнической напряженности и геополитической нестабильности, этническая идентичность раскрывает дополнительные социально-организующие и политические возможности. Так для народов Бессарабии, в целом, важной оказалась возможность объединения нескольких культурных ориентиров и моделировании собственного самосознания. Само положение и постоянно сменяющиеся национально-государственные приоритеты, обусловили транскультурность с одной стороны и слабость национального самосознания — с другой.

За 200 лет существования колоний в Бессарабии политическая власть менялась 5 раз. Подобная «прививка» отражается на характеристиках идентичности:

- В регионе идентичность с национальным сообществом не играет определяющей роли. Жители региона из предложенных анкетных вариантов самоопределения практически никогда не выбирают «болгары Украины», «молдаване Украины», «гагаузы Украины» и предпочитают ей «Бессарабские болгары», «Бессарабцы» в отличие от представителей этих же групп, проживающих в других территориях Украины.

- В регионе фиксируется процесс создания особых этнокультурных, этносоциальных групп, которые отличаются от материнского массива. «У нас две Родины: Украина и Болгария» — говорят Буджакские болгары.

- Диаспоры Бессарабии, за время существования приобрели черты «трансформера», что дало возможность благодаря незначительным внешним моделированиям сохранять положительную этническую идентичность, внутреннюю

комплиментарность невзирая на внешние изменения среды. Она как бы «пружинила», сжимаясь до поры до времени и уступая нивелированию этнического своеобразия, потом «выпрямлялись» и последовательно «возвращала» культурную специфику; это отчетливо видно из деятельности общин, национальной интеллигенции и политических ассоциаций.

В силу исторических, политических, природных и социальных причин в Бессарабии сформировалось уникальное геокультурное пространство. Его появление можно обозначить как процесс культурогенеза, когда в результате взаимодействия разнообразных этнокультурных групп, освоенные ими вмещающие природные ландшафты, насыщаются культурными элементами, особым образом структурируются, образуя геокультурные и этноконтактные зоны. Сегодня в идентификационной системе практически всех народов Бессарабии ярко представлена пространственно-территориальная составляющая. «Геопространство», введенное в систему социокультурной идентификации, образуют синтез — целостный и самодостаточный «образ жизни» в пределах любого национального образования. В Бессарабии этническая и территориальная идентичности выполняют функции «адаптора», обуславливая выживаемость группы при частых сменах политической власти и культурных приоритетов регионального развития.

Особенность переселенческой группы изначально проявлялась в формировании такого типа идентичности, который давал бы ей возможность благодаря незначительным внешним моделированиям сохранять положительную этническую идентичность, внутреннюю комплиментарность [9]. Диаспора способна формировать черты «транскulturности», что дает ей возможность объединяя несколько культурных ориентиров в создании собственной идентичности, приобретать, по сравнению с материнским этносом, больше возможностей варьировать этнокультурные черты, выступая в «нужный момент времени» в качестве «эксперта», которые законсервировав сохранил архаические пласты традиционной культуры — и в силу этого поднимая свой авторитет.

Этнические диаспоры Бессарабии не только обладают возможностью активизировать различные векторы культуры в зависимости от потребности: для быстрой интеграции в пределах региональной территории выступает маркер «бессарабец», в пределах Европы — достаточно просто оставаться «болгарином», «албанцем», «румыном», «греком» для легкой изоляции выступает этнопоним «бессарабский болгарин», что позволит быстро продемонстрировать границу со всеми нежелательными в данный момент группами.

Такая социально-политическая дееспособность диаспоры, позволяет рассматривать ее как изменчивую социальную структуру, природа которой предполагает «пакетное», ситуационное использование актуальных стратегий, позволяет вести речь о диаспоре, как об социально-активном субъекте геополитических процессов.

В этой связи актуализируется рассмотрение социально-политической динамики диаспоры как «превращающегося» этнического сообщества [10].

Диаспоры, чьи материнские этносистемы участвуют в геополитическом противостоянии, часто вовлекаются в конфликт, формируют коллективные позиции. При этом деятельность диаспор приобретает межрегиональный и межгосударственный масштаб. Они превращаются в субъект геополитического противостояния! В ситуации геополитического противостояния диаспора рассматривается как «группа риска» или «стратегический этнос».

Так, болгары и молдаване Бессарабии сегодня могут быть рассмотрены как «группа риска», чье исчезновение (переселение в города или выезд большого количества населения на заработки, получение второго «болгарского гражданства»/«румынского гражданства») усиливает и без того депрессивное состояние региона, усугубляет демографическое благополучие региона и государства.

В подобной ситуации диаспоры заинтересованы в сохранении максимума своих социальных и экономических возможностей — они активно участвуют в создании транскультурных и трансгосударственных сетей (трансграничное сотрудничество, еврорегионы), которые призваны компенсировать их значительную культурную изолированность.

Этническая культура и язык получают статус устойчивых этнических доминант, влияющих на поддержание внутрдиаспорной комплиментарности, обеспечивающих психологическую взаимопомощь в условиях иноэтнического окружения и межэтнического соревнования (выражается в позитивном автостереотипе- добрые, хозяйственные, честные).

Таким образом, рассмотрение диаспор как этнокультурных сообществ с коллективными интересами и целями способствует развитию управленческих стратегий и тактик в отношении диаспор на общегосударственном, региональном и локальном уровнях. Теоретическое и практическое значение имеет информационное обеспечение взаимодействия диаспор и соответствующих национально-культурных объединений с органами власти, местного самоуправления, другими общественными организациями и движениями.

Исследование диаспор пограничья как самостоятельного субъекта национальных отношений способствует выработке целевых направлений

государственной национальной политики, региональных стратегий национальных отношений, а также и техник и технологий ситуативного этнополитического менеджмента.

Осмысление формирования и функционирования диаспор имеет многоаспектное звучание. Во-первых, в поле этнополитологической теории. Во-вторых, в поле этносоциальной и этнополитической практики и этноконфликтологического менеджмента. В-третьих, в поле государственного регулирования межэтнического взаимодействия и этнокультурного самоуправления диаспор.

Литература:

1. Абдулатипов Р. Защитить прекрасное разнообразие мира / Р. Абдулатипов // Дружба народов. — 1998. — №10. — С. 166.
2. Шмитт К. Номос Земли / К. Шмитт — М. : Владимир Даль, 2008. — 672 с.
3. Дергачев В. Цивилизационная геополитика (Геофилософия) Междисциплинарный учебник для вузов / В. Дергачев — Киев : ВИРА-Р, 2004. — 672 с.
4. Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // О геополитике. Работы разных лет / К. Хаусхофер — М., 2001 — С. 7 — 250.
5. Коробов В. Проблема Румынии в контексте украинно-молдавских отношений: национальные идеи и проблемы регионализации [Электронный ресурс] / В.Коробов // Центр исследования южно-Украинского пограничья. — Режим доступа: <http://www.sufront.org/ru/stati/71-problema-rumynii-v-kontekste-ukraino-moldavskix-otnoshenij-nacjonalnye-idei-i-problemy-regionalizaczii>
6. Президент Румынии Траян Бэеску считает, что в ближайшие 25 лет Бессарабия окажется в границах румынского государства, если «жители двух берегов Прута захотят этого» [Электронный ресурс] // Украинское новостное интернет издание — 30 ноября 2010 // Режим доступа: <http://newzz.in.ua/newzz/1148854955-trayan-byeseku-uzhe-cherez-25-let-bessarabiya-mozhet-okazatsya-v-sostave-rumynii-a-granica-es-proxodit-podnestru.html>
7. Змеиний — больше не часть береговой линии Украины. [Электронный ресурс] / Программа ТВ. «Пробности» от 03. 02. 2009 г. // Режим доступа : <http://podrobnosti.ua/podrobnosti/2009/02/03/580269.html>
8. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В. Ядов // Мир России. —1995. — № 3 — 4.
9. Коч С.В. Механізм функціонування етнічної ідентичності діаспори на прикладі греко-болгарських поселень півдня України / С.В. Коч // Българите в Северното причерноморіе. Изследования и материали. — Т.9. — Одесса : Друк, — 2006. — С. 257 — 264.
10. Арутюнов С.А. Диаспора — это процесс / С.А. Арутюнов // Этнографическое обозрение. — 2000. — № 2. — С.77

Коч С.В., Узун Ю.В. Діаспори Півдня України в системі регіональних геополітичних відносин. — Стаття.

Анотація. Стаття присвячена аналізу розвитку діаспорних груп в умовах стійкого культурно-політичного пограниччя. Розглянуті особливості формування соціокультурного простору на фоні геополітичних трансформацій регіону. На прикладі регіональних діаспор Півдня України показано вплив геополітичної ситуації на умови соціально-культурної та економічної адаптації групи в регіоні. Діаспора представлена як самостійний суб'єкт національних відносин, який здатний впливати на вироблення цільових напрямків державної національної політики, регіональних стратегій національних відносин, а також і технік і технологій ситуативного етнополітичного менеджменту.

Ключові слова: етнос, діаспора, групова ідентичність, етносоціальна адаптація, регіональна геополітика, політичний менеджмент.

Koch S.V., Uzun Y.V. Diaspora of South Ukraine in the system of regional geopolity. — Article.

Summary: The article is devoted to the analysis of Diasporas' groups in conditions of stable politico-cultural borderland. Was considered the features of forming socio-cultural sphere in the context of geopolitical transformations in the region. By example of regional diasporas of the South of Ukraine was shown the influence of geopolitical situation on the conditions of socio-cultural and economical adaptation of the group in the region. The Diaspora is represented as the independent subject of national relations, which is able to influence on the producing target directions of state national policy, regional strategies of national relations, and also technologies of situational ethno-political management.

Key words: ethnos, Diaspora, group identity, ethno-social adaptation, regional geopolity, political management.